

КРУШЕНИЕ АНГЛІЙСКАГО КОРАБЛЯ РЕПУЛЬСЪ.

Въ одну изъ войнъ двухъ сосѣднихъ державъ, Англіи и Франціи, эскадра первой крейсеровала въ проливѣ, который ихъ раздѣляетъ. Корабль Репульсъ былъ отряженъ Адмираломъ, для перехвата судовъ у Бреста. Первымъ несчастьемъ было, что командръ, при сильной качкѣ, упалъ въ люкъ и убился до полусмерти. Затѣмъ, однакоже Англичане благополучно отбили плѣненный Французами пакетъ—ботъ свой, но при пасмурномъ небѣ уже нѣсколько дней нельзя было наблюдать солнца; сильное теченіе унесло корабль къ непріятельскимъ берегамъ и онъ ударился о рифъ. Успѣли положить паруса на стеньгу и вышли изъ каменъевъ, но безъ руля и съ такою течью, что въ полчаса вода поднялась до орlopъ—дека. Оставалось одно спасеніе: спуститься поспѣшно къ Французскимъ берегамъ и отдаваться въ плѣнъ.

Поставили всѣ паруса, спустились кое-какъ и приставили всю команду къ отливкѣ воды и скидкѣ орудій и другихъ тяжестей за бортъ. Отдаваться въ плѣнъ, такъ жалѣть пушекъ нечего. Подвели также парусъ подъ киль, и это немного уменьшило течь.

Съ большимъ трудомъ удерживали корабль на водѣ; со свѣтомъ, при густомъ туманѣ, раздалась Французская зоревая пушка, которая показала, что берегъ былъ вплоть. Тогда только увидѣли берегъ этотъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ, отвѣсной скалой, выше мачты. Утлегерь почти уперся въ скалу, когда отраженіемъ, отбоемъ вѣтра отъ утеса, положило паруса на стеньгу. Корабль понесло вдоль бирега и наконецъ поставило на мель; срубили мачты и спустивъ катеръ, стали перевозить команду на берегъ; но одинъ изъ Лейтенантовъ, перевозившій команду, рѣшился скорѣе пуститься въ море на катерѣ, чѣмъ отдаваться въ плѣнъ. Онъ такъ расказываетъ дѣло это:

Открывшись товарищу, другому Лейтенанту, и получивъ согласіе его, я

продолжалъ перевозить команду, а самъ готовился: я захватилъ компасъ, но въ суматохѣ никакъ не могъ достать мачть и парусовъ. Высматривая годныхъ товарищѣ на перепутьи отъ корабля къ берегу, я также пригласилъ лоцмана, и онъ согласился. Первый Лейтенантъ, морякъ безстрашный, съ радостю пошелъ ко мнѣ въ товарищи и успѣль положить въ катеръ кусокъ вяленой говядины, сухарей и вина, также простынь и скатертей офицерскихъ, на паруса. На наше счастье, подняли мы съ воды мачты и реи гребныхъ судовъ, смытые водою съ нашего корабля.

Когда весь экипажъ былъ перевезенъ, насъ осталось на катерѣ, рѣшившихся итти въ Англію: три Лейтенанта, два Мичмана, лоцманъ и 8 матросовъ. Между тѣмъ какъ несчастные товарищи наши на берегу отдавались въ плѣнъ, мы воротились еще разъ на корабль, и взявъ съ бизань–русленей бывшую тамъ небольшую бочку съ прѣсной водой, пустились въ море.

Скажу еще кто и какъ погибъ при крушениіи этомъ: когда корабль нашъ въ

первый разъ ударился о камень, то пять матросовъ, забывъ послушаніе и думая только о своемъ спасеніи, бросились къ боканцамъ и хотѣли спастись на шлюпкѣ; но обезпамятѣвъ, они отрубили напередъ одни тали, шлюпка повисла и всѣ пятеро утонули. Нѣсколько матросовъ успѣли перепиться; изъ нихъ также двое потонули, пустившись съ корабля по перлиню на берегъ, да еще четверо, мертвѣцки пьяные, покинуты были на кораблѣ, который вскорѣ разбился. И они потонули.

Поставивъ парусъ съ яла вмѣсто фока, мы пошли попутнымъ вѣтромъ, позавтракали и принялись вооружать катерь и шить паруса изъ простынь и скатертей. Вскорѣ мы его снарядили совсѣмъ. Но вотъ бѣда: бочка съ водой на русленяхъ нѣсколько разъ красилась блекварнишемъ и вода такъ пропахла имъ, что отъ нея тошило. Мы и тутъ утѣшились: тѣмъ спорѣ она будетъ; меныше стануть пить.

Около полудня мы застилѣли, еще въ береговыхъ каменьяхъ, и насилу отгреблись

отъ нихъ, при сильной зыби. Къ вечеру задулъ вѣтерокъ, но былъ намъ такъ крутъ, что мы едва только могли итти вдоль берега, подъ самыми батареями. Мы сняли шляпы и повязали головы платками, потому что Французскіе матросы шляпъ не носять, и нась сочли за Французовъ. Ночью хотѣли мы укрыться отъ зыби въ заливъ и простоять тамъ на дрекѣ; но вдругъ часовой съ берега нась окликнулъ: мы опять попали подъ батарею. Спѣшно поднявъ паруса, мы скрылись въ потьмахъ. Нѣсколько матросовъ такъ были напуганы этою неудачей, что готовы были отаться въ плѣнъ; но мы вышли въ проливъ и отстоялись тамъ, при сильной зыби, на дрекѣ; а къ полуночи подулъ намъ попутный вѣтеръ въ родную Англію!

На другой день по полудни, когда мы были только миляхъ въ 12-ти отъ Плимута, застилѣло, а къ вечеру задулъ сильный противень, сѣверякъ. Въ такомъ крайнемъ положеніи лоцманъ нашъ взялся спуститься на Англійскій островокъ Джерсей; мы совѣтовались, опасаясь чтобы не залило

катерь попутнымъ вѣтромъ и волнами, какъ вдругъ на ЭО трижды блеснула молнія. Суевѣрные гребцы наши закричали, что это знаменіе; островъ Джерсей быль прямо на ЭО, и надъ нимъ–то блеснула молнія. Мы рѣшились тотчасъ же и спустились на ЭО.

Катерь пошелъ легко и хорошо уходилъ отъ валовъ. Часа въ 2 по полудни, на другой день, мы увидѣли берегъ: общее ура его встрѣтило; это быль Джерсей. Къ утру затѣмъ, то есть, проносившись четверы сутки по морю, мы пристали къ острову и были дома. Поблагодаривъ Бога, вздохнули мы о бѣдныхъ товарищахъ своихъ, оставшихся въ плѣну, и стали готовиться на новую службу.